

Бессмертная тут же скатилась в тень дерева, её рука начала дымиться чёрным дымом, будто обожжённая, быстро покраснела, оставив большой след ожога. Она схватилась за руку, отчаянно пытаясь спрятаться в тени, но железная цепь на шее сжималась всё туже. После нескольких попыток вырваться она рухнула на землю, конечности полностью обессилели, и её, задущенную цепью, потащили прочь. Даже в таком состоянии её глаза, полные слёз, смотрели на Ся Суйцзиня, умоляя:

— Зять, отпусти меня, я — Байлу, я не лгу...

Ся Суйцзинь же сказал:

— В таком виде ты похожа на собаку. Может, я привяжу тебя и проведу по улицам, объявлю о твоих злодеяниях всему миру, чтобы родственники погибших плевали на тебя и унижали? Как думаешь?

Бессмертная, рыдая, произнесла:

— Я ошиблась в тебе, ты — ничтожество.

Ся Суйцзинь покачал головой:

— Ты получила по заслугам. Ты умоляешь меня пощадить тебя, а как насчёт тех рыцарей, чьи тела остались гнить в глуши? Ты их пощадила? Ты принимаешь этот жалкий, невинный вид, плачешь, и будто бы я становлюсь злодеем, который тебя обижает. Смешно, не правда ли?

В этот момент солнце было в зените. Ся Суйцзинь бросил цепь, схватил бессмертную за волосы и вытащил из тени, подставив её лицо, шею и руки палящему солнцу. Бессмертная каталась по земле, жаждущая втянуть голову в плечи.

Безупречно белая кожа мгновенно покрылась волдырями от ожогов, она кричала от боли, её одежда не могла скрыть стройные, гладкие ноги, которые тоже начали гноиться и сочиться.

Ся Суйцзинь похлопал в ладоши:

— За добро — добро, за зло — зло. Ты совершила множество злодеяний, сегодня сама пожнёшь плоды, не вини меня. Я выступил в роли великого героя, карающего зло и искореняющего несправедливость, и моё сердце переполнено радостью. Может, ещё попросишь меня, посмотрим, смягчусь ли я и дам ли тебе быстрый конец?

Руки и ноги бессмертной уже обгорели до белой расплавленной плоти, лицо изъязвилось, на пальцах виднелись кости. Она кричала:

— Убей меня! Убей же меня!

Её нежные алые губы покрылись кровавыми волдырями, каждый раз, когда губы шевелились, издавая звук, волдыри лопались, истекая жидкой кровью.

Ся Суйцзинь с интересом присел на корточки, ухватился за одежду бессмертной, и с резким звуком «чирк» одежда разорвалась.

Внезапно позади раздался гневный крик:

— Что ты делаешь?!

В гневном голосе слышалась сдерживаемая хрипота, он сразу не узнал Юй Фана, обернулся и сказал:

— Ты меня напугал. Что я могу делать? Разве что выместить злость за невинно погибшие души, и это тебя тоже беспокоит?

Не успел он договорить, как Юй Фан снял свой плащ, обошёл Ся Суйцзиня и накрыл им тело бессмертной.

Ся Суйцзинь онемел, долго молчал, затем со странным выражением лица спросил:

— Куда ты её несёшь?

Юй Фан проигнорировал его.

Ся Суйцзинь вздохнул:

— Ты что, белены объелся? Или тебе нравятся такие хрупкие девушки?

Юй Фан протянул руку:

— Ключ.

Цепь была выкована из чёрного железа и была чрезвычайно прочной.

Ся Суйцзинь сказал:

— Не дам. Ключ в моём мешочке, попробуй, оглуши меня.

Юй Фан холодно изогнул уголки губ, издал негромкий, но ясный фыркающий звук, затем обеими руками дёрнул, и цепь с лёгкостью разорвалась.

Ся Суйцзинь...

Бессмертная всё ещё бредила, жалуясь:

— Убей меня... убей же меня...

Юй Фан нежно поднял её и, повернувшись, зашёл в дом.

Под ярким весенним солнцем Ся Суйцзинь внезапно почувствовал головокружение, возможно, от долгого пребывания на солнце. Он прислонился к дереву и сел под коричневым деревом, перед глазами всё ещё плыло, полуразорванная цепь лежала рядом, вызывая в душе невыразимую тревогу.

Затем он медленно улыбнулся, улыбка была похожа на плач:

— Дурак, ты не перехитришь меня, рано или поздно заплатишься.

Юй Фан был недоволен.

Ся Суйцзинь, наступая, сказал:

— Я убиваю её, ты защищаешь её, отлично! Это хорошее лекарство от ран, возьми. Впредь хорошо обращайся с ней, не вмешивайся больше в мои дела, я ухожу.

За пределами Форта Шэнь Ся Суйцзинь с холодным, отстранённым видом, держащим всех на расстоянии, достал из мешочка баночку с мазью и протянул её Юй Фану.

Юй Фан не взял:

— Мне нужно вернуть Приказ Девяти Драконов.

Ся Суйцзинь усмехнулся:

— Как хочешь, но не ходи за мной.

Он разжал руку, мазь упала к ногам Юй Фана, белый фарфоровый флакон мгновенно покрылся сетью трещин. Он сказал:

— Разные пути не совпадают.

Эти семь слов прозвучали весомо, словно острый, как бритва, меч, перерезавший узы, отныне встречаясь как незнакомцы.

Ся Суйцзинь повернулся, чтобы уйти, Юй Фан внезапно закричал:

— Как ты можешь быть таким жестоким? Она всего лишь девушка, если хочешь покарать зло, убей её одним ударом, зачем мучить?

Он никогда раньше не терял самообладания, теперь же метался, как загнанный зверь, его глаза, прежде ясные, стали багровыми, будто одержимыми демоном.

Ся Суйцзинь шагнул вперёд:

— У меня свои причины, ты не поймёшь, и мне лень объяснять. Всю дорогу ты доставлял мне немало хлопот, я устал, давай на этом расстанемся.

Он подавил порыв обернуться и утешить, его шаги становились всё быстрее, он вошёл в густой лес и в конце концов скрылся вдали.

Когда Форт Шэнь окончательно скрылся из виду, Ся Суйцзинь остановился, тоскливо вздохнул и пробормотал:

— Ты тоже дурак, преследовать или не преследовать — всё ошибка.

Если не погонится, Юй Фан уведёт Шэнь Байлу, подальше от мирских распрей, они двое будут наслаждаться природой, что станет хорошим браком. Но если погонится, он окажется вовлечённым в бурлящую борьбу за власть, столкнётся с коварством человеческих сердец, малейшая неосторожность — и он будет погребён навеки.

Юй Фан сказал, что он жесток, но кто не хочет быть мягкосердечным?

Ся Суйцзинь сидел на тунговом дереве, толщиной в два обхвата, ожидая наступления ночи.

Он думал, что если бы Юй Фан был хоть немного умнее, он бы не погнался, и, как он ни крутил, лучшим для Юй Фана было бы держаться от него подальше.

... Но в мягком кончике его сердца беспокойство и нежелание смириться нетерпеливо поднимали голову.

Он тщетно надеялся: если Юй Фан погнался, то он признается, скажет: «Хочешь стать моей княгиней Жэнь?»

«В горах растёт дерево фусу, в низинах цветут лотосы». Их мечи — пара, и хозяева тоже созданы друг для друга. Та невысказанная «Песня о красных бобах», что хотела сказать его мать, он догадался, и теперь он от имени матери говорит сыну Юй Хуанун, разве это не исполнение незавершённого желания матери?

Конечно, это были всего лишь его грёзы. Чтобы мечта сбылась, Юй Фан должен был погнаться.

Ся Суйцзинь решил ждать до часа Сюй [19:00–21:00]. Если к часу Сюй Юй Фан не появится, он оставит его и больше ни на что не будет надеяться. Но прошло всего полчаса, как бестелесная, как летящий лебедь, тень пролетела над ветвями, направляясь к Форту Сюэ.

Ся Суйцзинь поспешно окликнул:

— Я здесь!

Чёрная фигура остановилась, словно ища, затем быстро взметнулась и изящно опустилась, приземлившись точно на ветку рядом с Ся Суйцзинем.

Ся Суйцзинь, закрыв живот, рассмеялся:

— Я думал, придётся ждать до ночи, ха-ха, ты так не хотел со мной расставаться, я чуть не расплакался от умиления! По сравнению с той бессмертной, я всё же важнее, правда?

Юй Фан сказал:

— Не будь таким жестоким.

Ся Суйцзинь ответил:

— Это была вынужденная мера, но раз уж ты заговорил, впредь я исправлюсь.

Юй Фан внезапно приблизился, его прозрачные, как вода, глаза пристально и горячо смотрели на него.

Ся Суйцзинь больше всего боялся, когда тот так смотрел, в сердце поднимались паника и смятение:

— Почему ты так на меня смотришь? Я что-то не так сказал?

Два взгляда Юй Фана, словно обжигающие, пристально уставились на его лицо, но в голосе слышалась обида. Он указал на грудь Ся Суйцзиня, прижал руку к его сердцу и сказал:

— Ты здесь, не будь так жесток ко мне. В следующий раз не бросай меня, боюсь, не успею догнать и потеряю тебя.

Ся Суйцзинь тут же воспарил духом, обнял Юй Фана за шею и серьёзно спросил:

— Можно тебя поцеловать?

Безупречно белое, как лотос, лицо было холодным и возвышенным, но покрасневшие кончики ушей никак не скрыть. Он больше не мог сдерживаться, прильнул губами к губам Юй Фана, и в

этот момент между губами, словно в ответ, открылась щель, его желание исполнилось, их языки переплелись, а когда они разъединились, на белизне лотоса проступил румянец стыда, от чего Ся Суйцзинь рассмеялся:

— Ты правда похож на незамужнюю барышню, может, выйдешь за меня? Я отведу тебя в Цзиньцюэчэн, представлю императору-отцу и матери-императрице.

Юй Фан ответил одним словом:

— Хорошо.

Теперь настала очередь Ся Суйцзиня остолбенеть, он ошеломлённо спросил:

— Что ты сказал?

Юй Фан сказал:

— Я пойду с тобой в Цзиньцюэчэн.

Затем, переплетя пальцы, добавил:

— После встречи с твоим императором-отцом и матерью-императрицей ты пойдёшь со мной, чтобы встретиться с моими родителями.

Это было правда...

... То, о чём только и можно мечтать!

<http://bllate.org/book/16190/1452569>